

«Мы должны отменить тот антагонизм, который существует в тундрах между русскими, зырянами и самоедами»: повседневность советской кооперации на Тобольском Севере в 1920-е гг.*

М. С. Каменских

Статья посвящена особенностям политики советской модернизации на Тобольском Севере Уральской области в 1920-е годы. В советской историографии и делопроизводстве существовал устойчивый нарратив о беднеющем и эксплуатируемом населении как следствии политики царского режима. Однако источники свидетельствуют, что экономические проблемы у коренного населения севера Уральской области начались с отменой законодательных ограничений досоветского периода и началом новой экономической политики, когда советские госорганы получили право неограниченной добычи сырья, «вытеснив» из системы рыночных отношений коренных жителей.

В результате новая, более «справедливая» хозяйственная модель привела к разрушению традиционной экономики региона и спровоцировала межэтническую напряженность в борьбе за ресурсы. Попытки создать особые экономические условия через госраспределительные механизмы и закрепление родовых земель были безуспешны. Советская модернизация, таким образом, не только привела к переустройству экономики Севера, но и обозначила культурные фронтиры во взаимодействии местного и пришлого населения.

Ключевые слова: Тобольский Север, кооперация, нацмен, национальная политика, Комитет Севера.

Для цитирования: Каменских М.С. «Мы должны отменить тот антагонизм, который существует в тундрах между русскими, зырянами и самоедами»: повседневность советской кооперации на Тобольском Севере в 1920-е гг. // История повседневности. 2022. № 3. С. 24–40. DOI 10.35231/25422375_2022_3_24

Одним из направлений коренного переустройства общества, устроенного большевиками сразу после прихода к власти, стало внедрение новых форм хозяйства, которые в теории должны были стать более эффективными, чем существовавшие ранее. Особенно сложно это внедрение проходило на периферии, где в силу исторических и географических причин сложились свои специфические формы взаимодействия. Их переустройство часто натывалось не только на экономические и климатические сложности, но и на проблемы взаимодействия с местным населением, коммуникация с которым была затруднена в силу культурных и языковых различий. Вовлечению этнических сообществ («национальных меньшинств», «нацмен» или «инородцев» – в официальном делопроизводстве того времени) [1, с. 102] в социалистическое строительство советская власть придавала особое значение. Необходимо «вовлечение в кооперативное строительство трудящихся масс отсталых в культурном отношении национальных меньшинств», – писал Президиум ВЦИК 20 июня 1927 г. всем коопсоветам страны [2, л. 158].

Первым из крупных, созданных по социалистическому принципу регионов РСФСР, стала Уральская область. Здесь большевики пользовались широкой социальной поддержкой, именно Урал должен был продемонстрировать преимущества советского строя. Не случайно на этой территории создавались первые формы социалистического национально-территориального и хозяйственного устройства (национальные районы и национальные округа) для «нацмен» [3, с. 73–75, 101–123].

Северная часть Уральской области, объединенная в рамках Тобольского округа, населенная, помимо русских, финно-угорскими и самодийскими народами, вызвала наибольшие сложности в части включения территории в социалистическую модель хозяйства. Большие пространства, суровый климат, разнокультурное население – все это осложняло работу новой власти в данном регионе. В этой связи политика советской власти на Тобольском севере, особенно в первые годы большевизма, демонстрирует экономические и культурные фронтеры советской модернизации, и имеет большую научную ценность.

Социокультурная проблематика Тобольского Севера в первые годы советской власти уже находила отражение в историографии [4–6]. Касаясь сложностей советской кооперации Севера, Е.С. Перевалова, в частности, отмечала, что «хозяйственное строительство нового типа оказалось делом сложным, поскольку коренное население проживало разрозненно, плохо говорило по-русски и не понимало смыслов социалистических преобразований» [6, с. 173]. Американский ученый Ю.Л. Слезкин отмечал, что и в досоветский, и в советский период между пришлым русским населением и коренными народами царил атмосфера «чуждости»: «На протяжении своего знакомства с народами Севера русские считали их радикально отличными от себя» [5, с. 437]. Все исследователи обращают внимание на то, что ломка устоявшихся отношений в северных территориях страны, организованная в 1920-е гг., не всегда была успешной, а часто подчинялась сложившимся традициям.

В советских источниках 1920-х гг. содержится немало сведений о том, как реализовывалась экономическая политика в этот период, и какие это имело социокультурные последствия. Очень часто большевики, описывая в целом бедное существование северных народов, ссылались на последствия царского колониального режима. Однако в документах основной проблемой оказываются не досоветские формы хозяйства, а уже советские, – периода новой экономической политики. В рамках данной статьи на примере делопроизводственных источников 1920-х гг. реконструированы основные векторы советской экономической политики на севере Тобольского округа Уральской области, проанализирована роль в них этнокультурной составляющей.

Основным источником для написания статьи стали фонды Комитета содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) и его отделений, отложившиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Государственном архиве Свердловской области (ГАСО). В них находится делопроизводственная документация о кооперации среди народов Севера в 1920-е годы. Отчеты отдельных инструкторов содержат важные сведения, в том числе этнографического характера. Кроме этого, использованы материалы журнала «Советский Север».

Тобольский Север в первые годы советской власти

Под понятием «Тобольский север» в 1920 гг. понималась северная, лесотундровая часть Тобольского округа, включавшая территории современных Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов. Занимаемая Тобольском севером площадь превышала 1045 кв. км, составляя 2/3 площади всей Уральской области при населении чуть больше 50 тыс. чел., их которых 37 тыс. – оседлые, 1 тыс. – полuosедлые, 10 тыс. – кочевые [7, с. 9–10].

В административном отношении Тобольский север включал в себя пять районов округа: Березовский, Кондинский, Обдорский, Самаровский и Сургутский. При этом в описании Тобольского округа за 1926 г. отмечено: «Границы административных районов на севере весьма условны, поэтому данные о территории районов севера не являются твердыми», в связи с чем «административная принадлежность населения к тому или иному тузсовету не могла во многих случаях быть выявлена» [7, с. 3–4].

Учет этнического состава населения на Тобольском севере в досоветский период практически не проводился. Поэтому представления о Тобольском севере у созданных органов власти до 1926 г. были весьма обобщенными. Как правило, в отчетах местные власти ограничивались перечислением национальностей (остяки, вогулы, самоеды, зыряне) и их районами проживания. Так, например, Обдорский райисполком на соответствующий запрос Тобольского окружного комитета РКП(б) 13 февраля 1924 г. писал, что «дать сведения о количествах оленеводов и их имущественном положении, в настоящий момент райисполком не может, за отсутствием статистических данных за прошлые годы» [8, л. 204]. А Тобольский окрисполком следующим образом характеризовал в 1924 г. подконтрольную ему территорию: «Другие нацменьшинства (самоеды, остяки, вогулы, зыряне) населяют неземледельческие районы Тобольского севера. Главное занятие их – оленеводство, рыболовство и пушной промысел» [9, с. 98].

Исторически управление территорией осуществлялось через открытую еще в XVIII в. Обдорскую инородную управу, совмещавшую в себе торговые, административные, полицейские и фискальные функции [10, с. 45]. В первые годы совет-

ской власти жители Тобольского Севера пытались сохранить сложившиеся взаимоотношения, войдя полностью в новые институты. Многие из должностей в советских органах заняли бывшие учредители факторий. Так, в 1920 г. в «инородческий стол» волостного ревкома вошли представители княжеской династии царского времени Василий и Михаил Тайшины. Василий Тайшин был избран представителем от остяков в Обдорский волисполком [6, с. 160].

Часто управление находилось не только в руках тех, кто занимал руководящие должности до советской власти, но и институционально управлялось теми же органами. В Докладной записке о деятельности Тобольской Окружной плановой комиссии от 16–19 марта 1924 г. сказано: «Во многом политика освоения севера и контактов с местным населением вынуждена была обратиться к опыту царского времени, в части организации закупки и сбыта пушнины, организации охотничьих угодий и образования» [8, л. 244]. Так, Обдорская инородная управа работала на Тобольском севере до второй половины 1920-х гг. Посетившая Тобольский север в 1924 г. заместитель председателя Уралплана Первухина писала в отчете об ее деятельности: «в том чтоб сохранить управу как орган непосредственно сносящийся с туземцами, пользующийся его доверием и избранный ими самими – возражать не приходится, но как придать этому органу юридические права, этот вопрос требует определенной ясности» [8, л. 198].

Таким образом, приступая к социалистическому преобразованию Тобольского Севера, большевики имели о нем только общие представления, во многом опираясь на царский опыт. Этой же идеи в своей монографии придерживается Е.В. Первалова: «Советы, несмотря на резкое противопоставление себя старому режиму, в первое десятилетие своего существования были вынуждены использовать прежние механизмы управления туземным населением» [6, с. 198].

НЭП на Тобольском Севере

В основе экономики Тобольского севера лежало два основных промысла – добыча пушнины и рыбная ловля. К концу XIX в. уже сложилась определенная экономическая модель, в рамках которой местное население, занимаясь промыслом,

уплачивало «ясок» царской власти, выменивало у местных предпринимателей товары первой необходимости на дичь, рыбу и пушнину [4, с. 205–214; 11, с. 6]. В начале XX в. на севере было создано несколько крупных коммерческих объединений («факторий»), которые закупали у местных жителей продукты промысла и кредитовали их перед началом нового сезона. Помимо промысла и продажи добытого, основу экономики местного населения составлял «кортым», когда часть земельных угодий сдавалась для промысла пришлым русским. Торговля и поступавшая аренда позволяла местному коренному населению жить относительно благополучно и сохранять традиционное хозяйство даже в условиях модернизации. «Была серьезная отрицательная сторона в вотчинопользовании – слишком они были велики по площади, что давало возможность тузнаселению сдавать под «кортым» большую их часть пришлым русским промышленникам и было похоже на пользование землей помещиками», – говорится в Докладе статистико-экономического и этнографического Тобольского комитета Севера обследования [12, л. 6]. Жизнь пришлого некоренного населения строго регулировалась: «Помимо того, среди инородческого населения, совместно с ним или отдельными поселками, проживают русские выходцы: вышеуказанные тундринские крестьяне, сургутские мещане и лица из разных других местностей. Поселившись в давнее время самовольно на инородческих землях и имея там полную оседлость, лица эти тем не менее состоят до сего времени на причислении там, где были причислены их предки, и все повинности несут по месту своего причисления» [10, с. 80].

Естественно, с приходом советской власти такие формы отношений не могли сохраняться, и уровень доходов туземного населения значительно снизился. Поэтому начавшиеся экономические преобразования наткнулись на неприятие с их стороны. С другой стороны, некоренное прошлое население получило возможности для неограниченного промысла.

В 1920-е гг. продажа пушнины приобрела важную роль в советском экспорте. В официальных документах подчеркивалось, что «экспортное значение пушнины Тобсевера по некоторым ее видам довольно значительно, так по песцу оно равняется 24 %, и по соболю – 10 % всего вывоза за границу»

[7, с. 11]. Провозглашенная новая экономическая политика серьезно изменила существующий баланс, поскольку открывала возможности для масштабного промысла, не ограниченно арендными отношениями с местным населением.

С началом НЭПа сразу несколько организаций, выступавших от имени советской власти, начали заниматься промыслом пушнины.

В Докладной записке Тюменского окрисполкома говорится, что «сибирские организации при этом порядке обнаглели, например, Томский губсоюз кооперативов организовал свои фактории в Сургутском уезде, Сибпушнина выслала для этой цели свою экспедицию до Обдорска во главе с небезызвестным для Тюмени бывшим буржуем Михаилом Ивновичем Плотниковым. Все это проделывается без ведома тюменских органов и конечно вносит немалую долю зла» [2, л. 202]. Помимо Сибпушнины и Томгубсоюза на Тобольском севере работали Окружная плановая комиссия, а также представительства Закупсбыта и Центрсоюза. В записке о деятельности Окружной плановой комиссии (окрплан), 16–19 марта 1924 г. автор, Д.А. Антонов, писал, что данная структура образована постановлением президиума окрисполкома на основании Временного положения от 8 января 1924 г. От имени окрисполкома Окрплан занимался продажей пушнины Северсоюзу [2, л. 224–225]. О серьезном развитии капитала на Севере в годы НЭПа писала и Первухина: «Второй причиной роста частного капитала является та система агентуры, к контрой прибегают все оперирующие на Севере государственные хозорганизации... Оставить дело в том положении как оно есть, значит дать развиваться на пролетарском поле буржуазной змее» [2, л. 202].

Более всего страдали от «нашествия» новых закупщиков, облеченных государственной властью, местные жители. Характеризуя первые годы НЭПа, член президиума ВЦИК П.Г. Смидович писал: «Целые годы советская власть не могла сосредоточить достаточной степени внимания на укреплении туземного промыслового хозяйства. Малые народы Севера были предоставлены сами себе не только перед лицом суровой природы, но и перед хищником-спекулянтом организованным и неорганизованным, вторгшимся извне в поисках драгоценной пушнины» [13, л. 11].

Работой по поддержке и развитию именно местных хозяйств с 1917 г. занимался созданный в этом году Обь-Иртышский союз кооперативов (Северсоюз или Тобсеверсоюз). Вот как описывало ситуацию его руководство в 1924 г.: «Свои конторы для заготовки сырья открыли Закупсбыт и Центросоюз, в результате чего Северсоюз пострадал, и предлагал им вести заготовительную работу через аппарат Северсоюза. К сожалению, центральные организации, как чуждые местам, повели политику выкачивания ценностей на началах максимальной выгоды для заготовителей и игнорировали интересы населения. Это началось еще до распространения на Тобсевере соввласти, которая утвердилась здесь только во второй половине 1919 г. Приблизительно через год после того Тобольская контора Сибцентросоюза была закрыта. Северсоюз должен был получить свободу действий, но по причине военного коммунизма вынужден снова встать в зависимое положение взяв заготовку рыбы в своем районе для Облрыбы с получением снабжения от этой последней. В период НЭПа вновь пришлось уступить свои позиции гос и хозорганизациям нахлынувшим на Тобсевер в погоне за ценным валютным сырьем – пушниной. В результате все усилия пошли на мех, а рыбодобыча пошла на убыль и привела к повышению цен на рыбу. Все это очень тяжело сказывается на рыбопромышленниках, заставляя русское население ... бросить рыбный промысел и уйти куда-нибудь на юг, а нацменьшинства – продолжать начатое ранее вымирание. Пришлым организациям, повторяем, до этого дела нет, а для малонаселенного края такой уход грозит полным опустошением... пришлые деятели будь то отдельные лица или организации, увлекаются выкачиванием ценностей, и как чуждые краю не принимают во внимание насущных интересов населения, а также общей экономике края... Отсюда интересы экономики края и населения требуют, чтобы чуждые краю заготовители ушли из него, по меньшей мере, чтоб они прекратили работу своими аппаратами» [14, л. 24].

Контролировать и регулировать деятельность государственных заготовительных организаций было тяжело. В Общей сводке о работе уполномоченного нацмен Уральской области за 1925/26 годы сказано: «Всякое желание регулировать

пушную вакханалию у них (местных райиспокомов и окрисполкома – М.С.) пропадает, и они готовы сказать заготовителям: делайте, что хотите, одни неприятности с вами. 16 октября была попытка разрешить заготовку только несколькими организациями, при этом у других это вызвало негодование, которое докатилось даже до Москвы, в итоге постановление было отменено» [2, л. 227 об. – 228].

Вторая часть экономики – добыча рыбы – также подверглась жесткому изменению через советские хозорганы. Она не была такой прибыльной, как добыча пушныны, поэтому здесь быстро была введена госмонополия. Декретом от 31 мая 1921 г. «О рыбной промышленности и рыболовстве» исключительное право на использование рыбопромысловых угодий предоставлялось Главному управлению по рыболовству (Главрыбе), которое имело свои представительства в областях (в Уральской области с 1923 г. – Областьрыба). Данная структура также действовала на разрушение сложившегося уклада. Е.С. Перевалова со ссылкой на источники отмечает: «Это была «организованная преступная шайка», державшая в страхе всю округу. Она хозяйничала «в тундрах» и дебоширила в чумах, угрожая побоями и убийством «за всякое противодействие». Снабжение в районе было «поставлено из рук вон плохо», а «торговля с самоедами носила характер контрабанды» [6, с. 173]. Когда одни артельщики из местных жителей хотели получить от «Областьрыбы» часть угодий в аренду, им было отказано и те «вынуждены были идти на работу в «Областьрыбу» на условиях, какие им будут предложены, вне всякого желания от их личных пожеланий» [8, л. 200 об.]. В отчете загубуралплана за 1924 г. об «Областьрыбе» говорится: «На промыслах, так и в конторах «Областьрыба» имеет целую группу лиц из бывших буржуев, чиновников и вплоть до бывшего Березовского исправника Ямзина включительно» [12, л. 200 об.].

Как видно, в годы НЭПа госорганы попросту заменили собой царские «фактории», но при этом их промысел не был ограничен законодательно. Рассматривая ситуацию на Тобольском севере, советские власти часто противопоставляли свой режим несправедливому царскому. Однако если в досоветское время сложившаяся система отношений не влияла негативно на экономику местных жителей, то именно в пер-

вые советские годы и в период новой экономической политики началось ее разрушение, когда ведомые коммерческими интересами госорганы начали промышленную добычу пушнины, исключив практически полностью из ее процесса бывших «собственников» этого ресурса. В результате население Севера существенно обеднело, а существовавшая ранее экономическая модель взаимодействия перестала работать.

В сложившихся законодательных условиях местное население нуждалось в существенных мерах поддержки. Плановое субсидирование в условиях севера также не помогало. Тюменский губисполком, например, в навигацию 1923 г., забросил на север 58 000 пудов хлеба, планируя им «маневрировать»: выбрасывать на рынок, снижая цены, и снабжать служащих. В отчете губисполкома об этой операции говорится: «Ввиду того что в это фонде было 30000 пудов просовой крупы, которой никто не хотел брать, пришлось это фонд возить вверх и вниз по Оби с места на место; с большим трудом удалось сбыть какую-то часть по какой попало цене, а часть лежит и до сих пор, угрожая испортиться или сгореть. Никакого маневрирования понятно не было, а были громадные убытки, которые Тюмень и Тобольск никак не могут распределить до сих пор» [2, л. 227 об. – 228]. А сотрудник Комитета Севера Двораковский, работавший на Тобольском севере в 1924 г., отмечал: «Очень часты случаи, когда редкий для этих мест товар прежде всего попадает в руки служащих, а населению почти что не достается» [15, л. 10].

С 1924 г. проблемой народов Севера стал заниматься созданный после ликвидации Наркомнаца Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера). Решить проблему местного населения должно было кооперирование. На Урале создание кооперативов или артелей по национальному признаку и вовлечение «отсталых народов» в передовые формы хозяйства повсеместно провозглашалось одной из важнейших задач национальной политики [16, с. 18]. Но по причине архаических форм хозяйствования, сложностей в коммуникации и отсутствия специалистов, включение представителей национальных меньшинств в кооперативное движение шло более медленными темпами [17, с. 140–143]. Владели кооперативами в основном русские промысловики. Согласно «Та-

блице, характеризующей состояние кооперативной сети по 5 районам Тобсевера» на 15 декабря 1924 г. из 41 открытой лавки «туземцам» не принадлежало ни одной [18, л. 7–12]. А кооператив ТобСеверсоюз в декабре 1924 г. сообщал в Тобольский окрисполком, что «кооперативов специально из состава нацменьшинств Севера нет, а население, принадлежащее к северным нацменьшинствам, входит в русские кооперативы» [8, л. 270].

Основная проблема низких темпов кооперации заключалась в непригодности местных условий к обычным механизмам хозяйства, характерных для советской власти. Из Докладной записки Уральского облисполкома по вопросу кредитования хозяйственных организаций Уральского севера: «Нормы обычной торгово-промышленной деятельности совершенно не укладываются в обычаи и практику севера. Заброска хлеба производится обычно последними рейсами до главных пунктов, а затем и в более глухие пункты». Это положение относится и к другим товарам первой необходимости. «Трудно изживаемый обычай – кредитовать нуждающееся население продовольствием и товарами имеет за собой не только бытовое и историческое значение, но и глубоко экономическое. Имущественная состоятельность инородца невелика. Поэтому все, что он имеет ценного, – это пушнина или рыба. Если отказать ему в кредитовании продовольствием и товарами, то он попадет в цепкие руки оленеводов и спекуляторов, которые получив в свое распоряжение весь будущий урожай пушнины, будут хозяевами пушного рынка... Хозяйственные и кооперативные организации вынуждены кредитовать промысловое население, которое по истечении рыболовного или пушного сезона возвращает пушниной или рыбой весной будущего года. «Таким образом, обычные мерки финансирования единственных промыслов севера – рыболовства и охоты – не применимы... Север Уральской области находится в особых экономических условиях, вызывающих необходимость отступления от общепринятых норм хозяйственной работы... Уральские кредитные учреждения при настоящих условиях не в состоянии удовлетворить всей потребности северных хозяйственных организаций в кредите» [18, л. 13–15].

Комитет Севера видел спасение в закреплении за каждым из родов определенного участка земли, но это противоречило советскому землеустройству, нацеленному на создание крупных коллективных хозяйств, не обремененных родовыми отношениями. Председатель комитета П.Г. Смидович в проекте не принятого в итоге весьма радикального постановления ВЦИК писал, что северу необходимо «запретить въезд в эти районы частным торговцам», «установить контроль над составом агентов госторговли в этих районах», «запретить торговлю самогоном в этих районах в каком бы то ни было виде», закрепить за каждым из родов их земельные угодья: «каждое племя, каждый род знает определенную территорию, трудовое использование которой обеспечивает его существование. Пользование этой территорией без споров переходит от одного поколения в другое» [19, л. 1]. Авторы доклада «Статистико-экономическое и этнографическое Тобольского комитета Севера обследование р. Демьянки» также просили признать условия Тобольского севера требующими «специальных видов хозяйственного содействия» и признать для севера особые виды кредитования на срок до 9 месяцев» [12, л. 17]. В марте 1925 г. «Тобсеверсоюз» обращался в Комитет Севера и Совет труда и обороны с просьбой о предоставлении ссуды в сумме 715 тыс. рублей на срок до 3 лет «для обслуживания промыслового населения северных районов» [14, л. 17]. Но долгосрочное кредитование и родовое право собственности на землю противоречили логике советского режима, и не могли быть внедрены в жизнь даже в условиях архаических обществ Тобольского Севера. В результате чего местное население беднело, а социальное напряжение росло.

Межэтнические отношения на Тобольском Севере

Смена экономических реалий и ухудшение экономической ситуации, политические изменения спровоцировали конфликтные ситуации на межнациональной почве. Это отмечает и Е.С. Перевалова, подчеркивая, что «отмена старых законов землепользования привела к серьезным конфликтам по поводу промысловых угодий между пришлым и аборигенным населением» [6, с. 163]. В записке Д.А. Антонова о деятельности Окружной плановой комиссии говорится о пробле-

мах «между русскими пришельцами, хаотично заселяющими и инородцами в вопросах выгона и пользования рыбными угодьями» [8, л. 241].

Даже в сильно идеологизированном труде «На четвертом году» из сборника «Советский Север» П.Г. Смилович открыто писал о конфликтах в уже советской тундре: «На почве промыслов и выпаса оленей между самоедами и пришельцами – русскими происходят частые конфликты. Переселенцы захватывают исконные самоедские промысловые районы и зачастую просто угрозами заставляют самоедов отказаться от них. Многие переселенцы воруют песцов и самоедских кулемок и навагу и рюж. Некоторые из пришельцев предпочитают занятию промыслом торговлю водкой и др. товарами, конечно – по очень дорогой цене. Самоеды требуют, чтобы в тундру никто не переселялся без решения самоедских советов. Пришельцы-зыряне смотрят на вогул, как на существа низшего порядка, с их интересами не считаются. Много раздоров происходит и на почве дележа покосов. Глухая национальная вражда между туземцами и зырянами не прекращается» [20, с. 265–266].

Захват экономических рычагов управления, имеющий этнический окрас, описан в упоминавшемся выше отчете зампредгубуралплана Первухиной: «Русские изучив в достаточной степени психологию остяков и самоедов во многом стараются подчинить их своему влиянию, эксплуатировать в свою пользу. Материально русское население хорошо обеспечено. Но в эксплуатации туземцев зырянин намного опередил русского... Обыватели крупных сел, а также и городов понимая психологию туземца при их выездах стараются заманить к себе при помощи угощения. Получив угощение туземец уже хозяина считает приятелем и отлает ему свой промысел несравненно дешевле рынка, а в следующий раз он уже прямо едет в дом своего друга надеясь на угощение. А на Обдорской ярмарке, например, обыватели запугали туземцев советской властью и купили все в два раза дешевле» [12, с. 196, 202].

Проблемы местного самодийского населения с «зырянами» подробно представлены и в Докладе о состоянии совучреждений в Тобольском округе 1924 г.: «Господствующей нацией на Севере являются зыряне, которые пользуются темнотой

остяков и самоедов применяют всевозможные способы их эксплуатации, начиная с пастушества и кончая посредничеством по сбыту пушнины... необходимо внедрить в сознание остяков и самоедов чтоб они свою продукцию сбывали госучреждениям и кооперативам и этим самым избавиться от зырянского закабаления» [12, с. 196, 224]. Но «самоеды предпочитали взять в долг «на фактории», чем у советской власти (в сельском совете), т. к. с факториями отношения были давно определены, «а тут новое дело, новые люди» [6, с. 173].

Таким образом, первые годы советской власти существенно изменили сложившийся хозяйственный уклад на Тобольском севере. Новая модель не только повлияла на ухудшение жизни местного населения, но и вылилась в конфликты за право обладания ресурсами, которые быстро обрели этнический окрас, о чем косвенно свидетельствуют многие источники. В результате недовольство советской властью у местного населения имело еще и этническую составляющую.

Новая экономическая политика, как и кооперирование, стали постепенно сходить на нет ввиду начавшихся советских модернизаций (коллективизации и индустриализации). На Тобольском севере власти также пошли по пути создания крупных коллективных хозяйств. 10 августа 1928 г. Тобольский окрисполком принял постановление о введении сельхозналога для народов севера. В ноябре 1928 г. Комитет Севера обратился в Уралобком указывая, что «обложение таких туземцев налогам и может иметь вредное действие, явившись тормозом и помехою к переходу в оседлое состояние» [21, л. 1]. К протесту прикладывалось письмо инородца Уральской области Тобольского округа Уватского района Леваутского сельсовета Никития Павловича Колмакова, где он писал о двухлетнем урожае: «хлеба нет за 100 верст ни у кого. Где взять сельхозналог непонятно» [21, л. 24]. Однако налог не был отменен.

А принятое 10 сентября 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР «Положение о первоначальном земельно-водном устройстве трудового промыслового и земледельческого населения северных окраин РСФСР» в корне изменило систему землепользования, внедрив принципы организации коллективных хозяйств в условиях тундры. Попытки бойкота с призывами «не продавать оленей русским» наткнулись на жесткое подавление, а все не-

удачи в заготовках приписывались вредительству «кулаков» и «антисоветских элементов». Зимой 1931/32 г. местные жители организовали бойкот «пушно-меховых» и «олензаготовок», но его инициаторы были арестованы как «антисоветские элементы Ямальского округа» [6, с. 117, 174]. Все это, безусловно, отражалось на уровне доверия к власти, способствовало разрушению традиционных хозяйств и резкому ухудшению жизни населения и формированию на этой почве межэтнической напряженности.

Таким образом, в 1920 гг. Советские органы, в частности Комитет Севера, создали устойчивый нарратив об эксплуатируемом местном «отсталом» населении, что вписывалось в концепты классовой теории большевиков. Однако, как свидетельствуют источники, серьезные экономические проблемы Тобольского Севера были вызваны введением госмонополий и изменением существовавшего хозяйственного баланса. Попытки решить проблему созданием особых экономических условий для коренного населения были безуспешны, так как противоречили логике советского режима. Отмена арендных отношений и права на землю привели к ухудшению жизни коренного населения и спровоцировали ситуацию межэтнической неприязни и напряженности. Таким образом, советская модернизация сыграла роль и культурных фронтиров для местного коренного и пришлого населения.

Список литературы

1. Конев А.Ю. Инородческий дискурс в словаре власти и науки в период революции и социалистических преобразований в Сибири (1917–1930-е годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 8: История. – С. 102–111.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60.
3. Каменских М.С. Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект. – СПб.: Издательство «Маматов», 2019. 224 с.
4. Головнев А.В. Феномен колонизации. – Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 572 с.
5. Слезкин Ю.Л. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. 512 с.
6. Перевалова Е.В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. – СПб.: МАЭ РАН, 2019. 352 с.
7. Список населенных пунктов Уральской области. Т. XII. Тобольский округ. – Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, Урастатуправления и окружных исполкомов, 1928. 231 с.
8. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41.
9. Бахрушин С.В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года // Советский Север. Первый сборник статей. – М.: Наркомнац, 1929. – С. 66–98.

10. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский север: общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. – СПб.: Типография В. Киришаума, 1904. 78 с.

11. Уральская экспедиция на Обдорском Севере: Приполярная перепись, 1926–1927 гг. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2013. 258 с.

12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 3977. Оп. 1. Д. 41.

13. ГАРФ. Ф. Р. 3977. Оп. 1. Д. 314.

14. ГАРФ. Ф. Р. 3977. Оп. 1. Д. 364.

15. ГАРФ. Ф. Р. 3977. Оп. 1. Д. 321.

16. Резолюция областного совещания партработников нацмен (15–18 мая 1927 г.). – Свердловск: Издательство Уральского облисполкома, 1927. 25 с.

17. Каменских М.С. Первый национальный: коми-пермяки в национальной политике России в XX – начале XXI века. – СПб.: Издательство «Маматов», 2019. 312 с.

18. ГАРФ. Ф. Р. 3977. Оп. 1. Д. 9.

19. ГАРФ. Ф. Р. 3977. Оп. 1. Д. 99.

20. Смидович П.Г. На четвертом году // Советский Север. Первый сборник статей. – М.: Наркомнац, 1929. – С. 258–273.

21. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 57.

“We should annul the antagonism that exists in tundras between Russians, Zyrians and Samoyeds”: everyday life of Soviet cooperation in the Tobolsk North in the 1920s

Mikhail S. Kamenskikh

This article discusses the features of Soviet modernisation policy in the Tobolsk North of the Ural region in the 1920s. In Soviet historiography and paperworks there was a strong narrative about the population poverty and exploitation that was a consequence of tsar regime policy. However, sources indicate that economic problems of indigenous people in the Ural North started with the cancellation of pre-Soviet period legislative restrictions and beginning of the new economic policy, when the state authorities got the right of endless raw material extraction and displaced the indigenous people out of market relations. As a result, new and more “fair” economic model led to destruction of the traditional region economy and caused interethnic tension in the struggle for resources. Attempts of creating specific economic conditions through the government distributive machinery and ancestral lands securing were not successful. That way Soviet modernization not only led to restructuring of the North economy, but also designated cultural frontiers in the interaction between local and alien population.

Key words: Tobolsk North, cooperation, national minority, national policy, Committee of the North.

For citation: Kamenskikh, M.S. (2022). «My dolzhny otmenit' tot antagonizm, kotoryj sushchestvuet v tundrah mezhdru russkimi, zyryanami i samoedami»: povsednevnost' sovetsoj kooperacii na Tobol'skom Severe v 1920-e gody ["We should annul the antagonism that exists in tundras between Russians, Zyrians and Samoyeds": everyday life of Soviet cooperation in the Tobolsk North in the 1920s]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3. pp. 24–40 (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_3_24

References

1. Konev A. YU. *Inorodcheskij diskurs v slovare vlasti i nauki v period revolyutsii i sotsialisticheskikh preobrazovaniy v Sibiri (1917–1930-ye gody)* [Foreigners discourse in the dictionary of power and science during the revolution and socialist transformations in Siberia (1917–1930s)] // *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of NSU. Series: History, Philology]. 2019. T. 18. Vol 8: Istoriya. pp. 102–111. (In Russ.)
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO)* [State Archive of the Sverdlovsk Region (GASO)]. F. P-88. Op. 5. D. 60.
3. Kamenskikh M.S. *Natsional'naya politika v Prikam'ye v 1918–1939 gody: regional'nyy aspekt* [National policy in the Kama region in 1918–1939: a regional aspect]. St. Petersburg: Mamatov, 2019. 224 p. (In Russ.)
4. Golovnev A.V. *Fenomen kolonizatsii* [The phenomenon of colonization]. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015. 572 p. (In Russ.)
5. Slezkin YU.L. *Arkticheskiye zerkala: Rossiya i malyye narody Severa* [Arctic mirrors: Russia and the Small peoples of the North]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2019. 512 p. (In Russ.)
6. Perevalova Ye.V. *Obskiye ugry i nentsy Zapadnoy Sibiri: etnichnost' i vlast'* [Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: ethnicity and power]. St. Petersburg: MAE RAN, 2019. 352 p. (In Russ.)
7. *Spisok naselennykh punktov Ural'skoy oblasti. Tom XII. Tobol'skiy okrug* [List of settlements in the Ural region. Volume XII. Tobolsk district]. Sverdlovsk: Izdaniye orgotdela Uraloblispolkoma, Urastatupravleniya i okruzhnykh ispolkomov, 1928. 231 p. (In Russ.)
8. GASO. F. P-88. Op. 5. D. 41.
9. Bakhrushin S.V. *Sibirskiy tuzemtsy pod russkoy vlast'yu do revolyutsii 1917 goda* [Siberian natives under Russian rule before the 1917 revolution] // *Sovetskiy Sever. Pervyy sbornik statey* [Soviet North. First collection of articles]. Moscow: Narkomnats, 1929. pp. 66–98. (In Russ.)
10. Dunin-Gorkavich A.A. *Tobol'skiy sever: obshchiy obzor strany, yeye yestestvennykh bogatstv i promyshlennoy deyatelnosti naseleniya* [Tobolsk North: a general overview of the country, its natural wealth and industrial activity of the population]. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma, 1904. 78 p. (In Russ.)
11. *Ural'skaya ekspeditsiya na Obdorskoy Severe: Pripolyarnaya perepis', 1926–1927 gg.* [Ural Expedition in the Obdorskoy North: Circumpolar Census, 1926–1927]. – Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2013. 258 p. (In Russ.)
12. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. R. 3977. Op. 1. D. 41.
13. GARF. F. R. 3977. Op. 1. D. 314.
14. GARF. F. R. 3977. Op. 1. D. 364.
15. GARF. F. R. 3977. Op. 1. D. 321.
16. *Rezolyutsiya oblastnogo soveshchaniya partrabotnikov natsmen (15–18 maya 1927 g.)* [Resolution of the regional meeting of party workers of the national peoples (May 15–18, 1927)]. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo oblispolkoma, 1927. 25 p. (In Russ.)
17. Kamenskikh M.S. *Pervyy natsional'nyy: komi-permyaki v natsional'noy politike Rossii v XX – nachale XXI veka* [First national: Komi-Permyaks in the national policy of Russia in the 20th – early 21st centuries]. St. Petersburg: Mamatov, 2019. 312 p. (In Russ.)
18. GARF. F. R. 3977. Op. 1. D. 9.
19. GARF. F. R. 3977. Op. 1. D. 99.
20. Smidovich P.G. *Na chetvertom godu* [In the fourth year] // *Sovetskiy Sever. Pervyy sbornik statey* [First collection of articles]. Moscow: Narkomnats, 1929. pp. 258–273. (In Russ.)
21. GASO. F. R-88. Op. 5. D. 57.

Статья поступила в редакцию 10.07.2022

Одобрена после рецензирования 17.08.2022

Принята к публикации 26.08.2022